

Фотография с сайта 6may.org

04.07.2014, 15:10 [Вся Россия](#)

[СТАТЬИ](#)

А что так поздно?

Сегодня Госдума [приняла в третьем чтении закон](#) об ужесточении ответственности за нарушения на публичных акциях. ОВД-Инфо не берется трактовать закон, а лишь предлагает немного пофантазировать, представив, что еще несколько лет назад, до начала крупных московских протестов, репрессивные органы получили возможность отправлять за решетку за двукратное нарушение на митингах в течении полугода. Мы не будем пытаться угадать, как бы это повлияло на внутреннюю политику России, настроение или мировоззрение общества, а просто спросим у разных людей, которых задерживали за это время, как бы изменилась

их жизнь за годы, проведенные в тюрьме, и что они вообще об этом думают.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

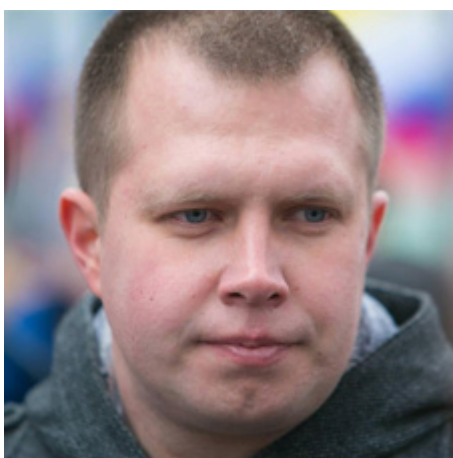

Эдуард Лимонов, писатель, лидер партии «Другая Россия». Если бы новый закон вступил в силу на несколько лет раньше, вряд ли надолго покидал бы тюрьму с учетом его активности как раз на поприще отстаивания права на свободу собраний: Лимонова, автора «Стратегии-31», пять лет подряд стабильно задерживают каждое 31 число.

Глядя на Украину, они пытаются воспрепятствовать возникновению «Майдана» или чего-то такого. Но когда выходит много тысяч человек, некому их задерживать. Это доказано. А именно так люди и выходят. Никому не удавалось предотвратить революцию, это все жалко выглядит — какие там два задержания! Полицейские меры не годятся — это доказано столетиями противостояния между государствами и гражданами. Против народа это не годится. Против хлюпиков и интеллигентов — может быть, сработает.

У нас столько уже напринали законы, но применяют только часть из них. Никакого МВД на эти законы не хватит. Невозможно на бедную милицию свалить и задержания пьющих пиво подростков, и задержания торговков, торгующих носками, ругающихся матом граждан. Это бред, это невозможно выполнить.

Меня — пускай задерживают. Я буду смотреть, как меня, в моем возрасте, с моей известностью и популярностью... Что, уголовное дело на меня заведут? Я уверен, что в отношении меня этого делать не будут. Это будет глубочайшая, самая глупая глупость.

Николай Ляскин, Партия прогресса. *Если бы депутаты поторопились со своим законом пару лет назад, Ляскин, имеющий два высших образования, вероятно, сидел бы сейчас в тюрьме за прогулки по бульварам, а не под подпиской о невыезде по «Делу кошельков».*

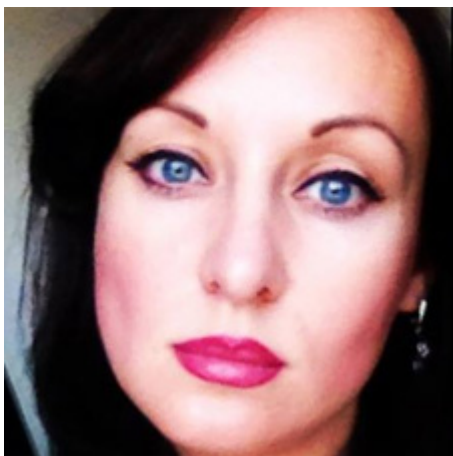
Наверное, у меня в каждом полугодии по два задержания с административками на митингах. Для того, чтобы получить пару административок в течение полугода, нужно просто приходить на публичные мероприятия. Последние несколько лет меня задерживают просто за факт присутствия. Я ничего не нарушаю, не скандирую, не нарушаю даже эти формальные нелепые вещи — «не стойте», «разойдитесь». Я уже не стою и расхожусь! Сами полицейские говорят — ничего не можем сделать, у нас приказ.

Людей, которых новый закон будет касаться, сейчас не так много, но при желании их можно сделать любое количество. Они знают, что в течение полугода происходит минимум два мероприятия, на которые выйдут активные люди, — это гарантированная история.

Как обычно, я думаю, как они должны поступить, будь у них разум... Мне кажется, они хотят сделать упор не на тюремные сроки, а на безумные штрафы.

По полмиллиона, по миллиону рублей — оплатить их нереально. Возможно, к тебе не будут даже приходить приставы, но ты уже становишься невыездным — ты же должник государства. Это будет такая первая ступень усмирения. Сажать будут уже тех, кто продолжит.

Сейчас они задерживают, чтобы нейтрализовать на день, вечер, несколько суток. А теперь будут задерживать ради такого крючка.

Наталья Пелевина, Партия 5 декабря. Искусствовед, актриса и режиссер Пелевина вряд ли смогла бы заняться правозащитной и политической деятельностью.

У меня 4–5 задержаний, в основном в 2012 году, одно — в конце 2013-го. Один раз задерживали очень жестко, другие разы менее жестко — женщин они не всегда бьют. В любом случае затем это выливалось в длительное времяпрепровождение в ОВД с разной степенью вежливости и хамства.

Власти не нравится, когда люди выходят протестовать в любых количествах, но 31-ю статью Конституции они отменить не могут. Люди и без этого закона уже лишний раз боятся выйти на улицу, в открытую говорят, что такие высокие штрафы им не по карману. Теперь это будет грозить чуть ли не тюремным сроком. Идет эскалация запугивания равнодушных граждан. Даже уже не знаю, куда еще хуже.

Меня лично новый закон не остановит. Буду посещать акции, исходя из их целесообразности, а не из запретов властей.

Дмитрий Голубовский, главный редактор журнала «Esquire». После приговора по «Болотному делу» мог бы оставить свой пост и заняться изданием тюремной стенгазеты.

Задерживали меня четыре раза. Первый был совсем нелепый — во время прогулок, которые были после Болотной, в мае 2012-го. Мы стояли на Патриарших, человек 50–70, и в какой-то момент за деревьями, на другой стороне пруда, побежали омоновцы, очень кинематографично. Потом добежали до нас, окружили, выстроили коридор и попросили пройти — мы думали, просто уйти от пруда, но оказалось, все-таки в отделение. Автозаков и полицейских автобусов уже не хватало, поэтому нас сажали в обычные рейсовые, белые с зеленым. В отделении продержали час-полтора

и отпустили после «воспитательной беседы». Правда, почти два года спустя я обнаружил, что в полицейской статистике за мной в этот день числится административный арест на сутки по статье 20.2 КоАП. Второй и третий разы были после приговора по Болотной в феврале этого года. С утра забрали от суда: там отгородили кусок улицы Татарской, в какой-то момент ОМОН пошел на тех, кто собрался у суда, стали выхватывать людей, довольно беспорядочно. Через пять минут после меня в тот же автобус завели моего деда — он вообще стоял за ограждением, но вступил в беседу с омоновцами, те спросили, не хочет ли он пройти внутрь, на Татарскую, и как только он зашел, его приняли. В отделении продержали три часа и отпустили без протокола. А вечером, уже на Тверской, нас с друзьями очень вежливо попросили пройти для проверки документов, но вместо этого посадили в автобус и повезли в отделение. Там уже оформили по 20.2 (в итоге присудили штраф 15 тыс. руб.). Последний раз был через неделю, во время антивоенной акции у Минобороны. Там тоже ОМОН стал в какой-то момент теснить людей и выхватывать по одному, но не очень жестко. Тут уже оформили 19.3 (во всех случаях у всех задержанных в одном отделении протоколы копировали друг друга). Чуть было не оставили ночевать в отделении, но меня вытащил адвокат «Росузника»: мол, у вас тут журналист сидит, зачем вам лишние проблемы.

Что касается уголовной ответственности за организацию и проведение несанкционированных митингов, это такой же антиконституционный бред, как и административка, только более тяжелый. И, в общем, не очень понятно, как выявить организатора несанкционированного митинга, на который стихийно собираются люди. В принципе, первому попавшемуся человеку можно это пришить, в чем, наверное, и заключается государственный смысл.

Илья Мищенко, геолог, геофизик, выпускник МГУ, член ФПС движения «Солидарность». **Был задержан 6 апреля** этого года на акции в поддержку «болотным узникам». Причиной задержания, которое было уже не первым за полгода, стали невидимые плакаты, оказавшиеся в руках у Мищенко и других оппозиционеров. По новому законодательству Мищенко за это могли бы приговорить, например, к трем годам колонии общего режима.

Этот закон вводит уголовную ответственность за то, что дано человеку Конституцией (статьей 31). Поэтому любое наказание, которое может принести этот закон, будь это временная мера пресечения или даже условный срок, не может быть справедливым. Кроме того, по практике видно, что многие могут угодить за решетку совсем случайно: тебя могут забрать просто на одиночном пикете, могут забрать, если ты не отошел на достаточное расстояние от другого одиночного пикета или от станции метро, а полицейский тебя не предупредил.

После лишения свободы, когда осужденному ломают жизнь, естественно, что человек становится злее и никаким уважением к государству не проникается. В дальнейшем он считает, что должен бороться с государством, так поступившим с ним, и либо усиливает свою политическую активность, либо включается в правозащитную деятельность, как Сергей Мохнаткин

или «Pussy Riot», превратившиеся по сути из панк-группы в правозащитную организацию.

Александр Мысленков, экскурсовод по Москве и области, выпускник философского факультета МГУ. Мог бы стать рецидивистом без всяких скидок — Мысленкова не раз задерживали на акциях в защиту 31-й статьи Конституции и в поддержку политзаключенных.

Мне бы не хотелось сдаваться и перестать протестовать, но и пять лет я тоже не хочу.

Получается, что власти меня подталкивают уходить в подполье и стараться не попадаться. Обычный легальный протест, когда люди выходят на площадь и цивилизованно идут в автозаки, и получают свои статьи, мне, конечно, не очень нравится. А если будут еще реально сажать, это совсем уже будет плохо и тогда придется переходить к такой партизанщине. Власть открыто нам говорит: «Ребята, не надо вам попадаться». Ей не нужны мирные протестующие на площадях, которые что-то там кричат, ей нужны всякие надписи, баннеры. Посмотрим, может, это будет декоративный закон, как закон против курения, или он будет направлен только против известных личностей... я не могу предугадать политику правительства, у Путина сегодня «да», а завтра — «нет».

Если бы меня посадили, боюсь, это была бы дорога безвозвратная, я бы вышел революционером-борцом типа

Ленина уже. Сейчас я обычный обыватель, мещанин, у меня есть работа, жилье, любимая девушка, и я поэтому не протестую очень активно, а в меру, как хобби. Но если оборвут все мои связи с обычной обывательской жизнью, отнимут работу, жилье, то что останется? Идти и протестовать. После тюрьмы — смысл мне возвращаться к обычной жизни? Если власти посадят меня, то поменяют мою жизненную программу, как Сахарову в свое время.

Ольга Николаенко, специалист по проектам Государственного Литературного музея, выпускник РГГУ. «Заработала себе срок» за одну неделю, задержавшись на акциях после приговора по «Болотному делу» и против введения войск на Украину. На обеих акциях задержания проходили по неведомому принципу — полицейские выхватывали людей из толпы без видимой мотивации. Николаенко могла бы, например, отправиться в мордовскую женскую колонию № 14, «прославившуюся» организованным внутри лагеря рабским трудом.

Про срок расчет такой: с одной стороны, я рецидивист, с другой стороны вид у меня невинный, он обычно немножко их смущает. Так что года два, думаю, вряд ли больше. Что касается того, чем бы я занялась после освобождения, — если верить, что я стойкий оловянный солдатик вроде Алехиной с Толоконниковой, то все, что меняется, — это появляется более-менее статус

«говорящей головы», который можно правильно использовать. А в остальном — все то же самое.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

закон о митингах 2014 года

Ужесточение законодательства за повторное нарушение порядка проведения публичных мероприятий.

14 22